

Информация для цитирования:

Дубовицкая М. А. Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 67—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-67-83.

Dubovitskaya, M. A. (2024). Shifting Communicative Roles through Subcode Switching and Blending in Works of Zadie Smith. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 67-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-67-83. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит

Дубовицкая Мария Анатольевна

orcid.org/0000-0002-7003-8392

кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка
clouddancing@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Shifting Communicative Roles through Subcode Switching and Blending in Works of Zadie Smith

Maria A. Dubovitskaya

orcid.org/0000-0002-7003-8392

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Language
clouddancing@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данное исследование выполнено в русле работ, посвященных вопросам переключения кодов в разговорном дискурсе. Целью данной статьи является описание частых случаев субкодовых переключений и смещений в мультикультурной среде, а также определение их участия в мена коммуникативных ролей на материале художественных текстов современной английской писательницы. Объектом описания являются примеры (суб)кодового переключения и смещения в художественных текстах Зэди Смит. Уделяется внимание роли мена коммуникативных ролей в контексте (суб)кодового переключения и смещения. Новизна исследования видится в том, что впервые исследуется мена коммуникативных ролей в мультикультурном контексте. В ходе исследования применялись методы лингвистического анализа, а также методы наблюдения, сопоставления и интерпретации. Автор выделяет темп мены коммуникативных ролей как важный индикатор определения характера взаимодействия в гетерогенной культурной среде. Актуальность исследования обусловлена важностью понимания сложного коммуникативного целого, включающего не только участников речевой деятельности, но и различные социальные параметры, интенции участников и ситуации речевого общения. Приводятся определения (суб)кодового смещения и (суб)кодового переключения с разграничением понятий кода и субкода.

Ключевые слова:

мена коммуникативных ролей; субкодовое переключение; субкодовое смещение; репликовый шаг; Зэди Смит.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is part of the discourse on code-switching in conversational discourse. The aim of this article is to describe frequent instances of subcode switching and mixing in a multicultural environment, as well as to determine their involvement in communicative role exchanges within the literary texts of a contemporary English writer. The object of description is examples of (sub)code switching and mixing in the literary texts of Zadie Smith. The research employs linguistic analysis methods alongside observation, comparison, and interpretation techniques to highlight the significance of role exchange in the context of subcode switching and mixing. The novelty of this study lies in its examination of role exchange in a multicultural setting. The author emphasizes the pace of role exchange as a crucial indicator of interaction dynamics in heterogeneous cultural environments. The relevance of this research stems from the importance of understanding complex communicative frameworks that involve participants, social parameters, intentions, and speech communication situations. Definitions of subcode mixing and subcode switching are provided, with a clear distinction between code and subcode concepts.

Key words:

role exchange; subcode switching; subcode mixing; conversational turn; Zadie Smith.

УДК 821.111Smith.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-67-83

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит

© Дубовицкая М. А., 2024

1. Введение = Introduction

Социокультурное пространство является комплексным образованием разных модусов бытия. Начало изучения неоднородности и многофакторности социокультурного многообразия было положено А. Тойнби, О. Шпенглером, М. Вебером, Л. Гумилевым, П. Сорокиным и др. Специфическая пространственно-временная целостность находится в динамичном и непрерывном процессе конструирования на фоне социальных связей и «культурных монад», или внутренних культурных миров [Моль, 2007]. Несомненно, городская среда со своей пестрой и разносторонней жизнью является интересным объектом для наблюдения.

Изучение характера коммуникативных процессов позволяет выявить важные черты социокультурного города. К таким коммуникативным процессам относятся переключение кодов и мена коммуникативных ролей; их объединяет то, что они являются не только лингвистическими, но и психологическими феноменами. Социально-коммуникативная система, внутри которой распределяются коммуникативные роли участников, определяют темы, стиль, статус и функции, служит источником для интерпретации неоднородного социального контекста. Исследование и анализ литературных источников способствуют пониманию социокультурного фона и контекста.

Важность талантливого писателя и его мастерства сложно переоценить, когда мы говорим о желании познакомиться с эпохой, местом и событиями, описываемыми в книге. В национальной портретной галерее Лондона висит портрет современной писательницы Зэди Смит, написанный нигерийско-американской современной художницей Тойин Оджи Одутой. Зэди Смит, автор романов, эссе и коротких рассказов, член Королевского литературного общества, получила признание за детальное описание психологических и культурных характеристик жителей районов Лондона

Уиллесден и Килберн. Тот факт, что книги этой писательницы могут служить источником для наблюдения за языковыми явлениями, объясняется «удалением автора», при котором текст «создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [Барт, 1989, с. 384—391]. Читатель окунается в водоворот диалогов местных жителей, которые пекут разговорными фразами, наречиями, диалектными словами и арготическими единицами. Наблюдение за субкодовыми переключениями, а также их организацией в репликовых шагах, или меной коммуникативных ролей, дает представление о речевом поведении и коммуникативных тактиках участников в разных ситуациях.

В данной статье мы ставим целью дать описание случаев субкодовых переключений и смещений в мультикультурной среде, имеющих высокую частотность, а также определить их участие в мене коммуникативных ролей на материале художественных текстов современной английской писательницы. Актуальность обсуждаемых нами аспектов языковых контактов в данной статье обусловлена языковой ситуацией и социально-культурным контекстом, описываемыми в произведениях Зэди Смит. Подвергаются анализу варианты субкодовых переключений и их реализация в секвенциях участников коммуникативного акта. Новизна исследования заключается в новом подходе к анализу контекстов, где кодовые и субкодовые переключения и смещения рассматриваются вместе с меной коммуникативных ролей в диалогическом взаимодействии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили три произведения Зэди Смит: «Белые зубы» (White Teeth, 2000), «Северо-Запад» (NW, 2012) и «Время свинга» (Swing Time, 2016). Количество проанализированного материала составляет 1333 страницы.

Так как целью данного исследования является описание субкодового переключения и смещения, а также их участия в мене коммуникативных ролей, необходимо решить следующие задачи: (1) определить суть субкодового переключения и смещения для конкретной языковой ситуации и описываемого в произведениях социокультурного контекста, (2) описать семантические, прагматические и структурные особенности субкодовых переключений и смещений, (3) проанализировать мену коммуникативных ролей в описываемом социокультурном пространстве, (4) выявить взаимосвязь упомянутых выше коммуникативных процессов и определить их социальный смысл.

В исследовании мы используем качественный контент-анализ, который ориентирован на идиографический подход, опирающийся на индуктивный

метод в познании. В основе такого подхода лежит попытка охватить всю сложность описываемых явлений, понять взаимосвязь между ними, подчеркивая их единичность и общность одновременно. Метод лингвистического анализа (описательно-аналитический метод, лингвостилистический, лексико-семантический, контекстуальный, дискурс-анализ), а также фонетический анализ были использованы на отдельных этапах исследования.

Субкодовое переключение — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного стиля, диалекта или варианта на другой в зависимости от условий коммуникации и тактики говорящего. В отличие от кодового переключения участники могут оставаться в рамках одной языковой системы, при этом используя интерсентенциальные и интрасентенциальные вставки. Термины *переключение кодов* и *смешение кодов* используются при описании различных форм двуязычного поведения [Milroy, 1995; Gumperz, 1982].

Наряду с *переключением кодов* используется термин *смешение кодов* (СК) [Annamalai, 1989; Singh, 1985], который, согласно мнению ряда ученых, является гипонимом по отношению к первому термину [Muysken, 2000], в то время как другие ученые считают СК гиперонимом. Синтаксический принцип дифференциации этих терминов зависит от того, реализуется ли это явление внутри предложения (интрасентенциально) или между предложениями (интерсентенциально). В первом случае некоторые ученые предпочитают говорить об СК, а во втором — о переключении кодов [Чиршева, 2017; Гаврилова, 2013]. Наряду с синтаксическим подходом существуют социолингвистический и психолингвистический подходы, в рамках которых различают «непроизвольное», или спонтанное, СК и мотивированное, то есть целенаправленное, переключение кодов [Мутылина, 2011]. Ориентируясь на социум, К. Майерс-Скоттон вводит термины *модель маркированности* и *набор прав и обязанностей* [Myers-Scotton, 1993]. Так, если говорящий следует немаркированному набору прав и обязанностей, то он поступает в соответствии с ожиданиями слушающего, в то же время маркированный выбор отмечается как особенный и требует повышенного внимания для декодирования смысла, так как такой выбор выходит за рамки традиционного набора прав и обязанностей.

Перечисленные выше подходы также применимы к субкодовому переключению, то есть выбору субкода в рамках одной языковой системы в зависимости от коммуникативной ситуации, задач и установок.

Категория маркированности применяется также в социальных ситуациях, когда участники коммуникативного акта проявляют положительные или отрицательные эмоции, применяя целый ряд конверсационных элементов (симультанное говорение, перебивание, повторы). Немаркирован-

ные социальные ситуации характеризуются лишь обменом информацией и находятся в рамках постулатов Грайса и Лича [Грайс, 1985].

В процессе коммуникации происходит взятие речевого шага или нескольких шагов, а также речевого хода, или мена коммуникативных ролей, [Henne, 1982]. Это особый способ организации содержательной стороны разговора, результат которого определяется прагматическими пресуппозициями коммуникантов, их интенциями и контекстом. Родоначальниками концепта мены коммуникативных ролей являются Г. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон. Исследователи работали в рамках метода анализа разговоров, то есть конверсационного анализа, направляя основной фокус внимания на очередность в разговоре. Э. Щеглофф ввел термин *разговор-во-взаимодействии*, тем самым подчеркивая синтаксическую и психологическую сложность, стоящую за высказыванием [Schegloff, 1984]. Действительно, речевой шаг сопровождается метакоммуникативными сигналами, которые не несут содержательной стороны, однако выполняют функцию поддержания разговора и способствуют коммуникативной удаче.

Наш исследовательский интерес определяется вопросом о роли субкодового переключения в диалогическом взаимодействии и о его влиянии на очередность репликовых шагов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

На основании собранного материала мы выделили преднамеренные и непреднамеренные субкодовые включения. Преднамеренное использование другого стиля относится к субкодовому переключению и мотивировано разными причинами и установками. Непреднамеренный переход в речи, или спонтанное включение, относится к субкодовому смещению и также имеет под собой ряд причин.

3.1. Субкодовое смещение

Спонтанный, неконтролируемый участником переход на другой язык называется смещением кодов [Казакевич, 2000]. Такая импульсивность в речи, как правило, связана с ослаблением контроля в связи с неординарной ситуацией. Субкодовое смещение действует по тому же принципу, как видно из примера:

(1) *'I 'ave some materials of readin' for your perusal — ' She fumbled with the lock of the suitcase, flipped the catch with her thumb but neglected to hold the other side of the case. Fifty copies of the Watchtower spilled over the doorstep.*

'Bwoy, me kyant do nuttin' right today —'

'Your name's Clara,' said Ryan slowly. 'You're from my school, ain't ya?'

'Yes, man,' said Clara, so jubilant he remembered her name that she forgot the pain. 'St Jude's' [Smith, 2001, p. 36].

// — *Есть некоторые материалы для изучения... — Она неловко раскрыла свой чемоданчик, не спуская пальца с замка, но низ чемодана не придерживала. Пятьдесят экземпляров «Сторожевой башни» разлетелись по ступеням.*

— *Сёдня все из рук валится! — Она поспешно плюхнулась за ними на землю и оцарапала левую коленку. — Ой!*

— *Тебя зовут Клара, — произнес Райан. — Ты из нашей школы.*

— *Да, — сказала Клара, забывшая о боли от ликования: он помнит ее имя! — Из Святого Иуды [Смит, 2018, с. 52].*

Здесь мы можем наблюдать два репликовых шага со стороны главной героини. Первая реплика героини содержит лексическую единицу книжной лексики (*perusal*), что указывает на формальный характер беседы, которая прерывается нечаянным падением листовок, в результате чего темп произнесения второй реплики увеличивается и трансформируется в ямайский вариант английского языка, который близок героине, имеющей ямайские корни (*Bwoy, me kyant do nuttin' right today*). Перед нами пример акролекта, находящегося высоко в иерархии языковых вариантов посткреольского континуума в силу того, что происходит некое сближение с грамматической и лексикографической формами английского языка, однако мы можем наблюдать излишнюю дифтонгизацию (*bwoy; kyant*) и переход межзубного в глухой [t]. Речевой шаг с субкодовым смешением ускоряет ход, приводя к мене коммуникативных ролей и установлению контакта. Причиной непреднамеренного кодового смешения в этом примере является эмоциональная реакция на неожиданное событие (неловкость), в результате которой коммуникант неосознанно прибегает к родному для него наречию или диалекту, хотя по первой реплике героини мы можем говорить о ее желании соответствовать общепринятым языковым нормам и стандартам.

Если субкодовое смешение происходит за пределами круга «своих», то оно подвергается критике самим говорящим. Исследователи отмечают, что сами билингвы в таких случаях говорят о проявлении «лени» и «грязи» в речи, недопустимых при общении с носителями другого языка [Bhatia, 2004]. Рассмотрим пример субкодового смешения, который вызван эмоциями и является нежелательным для коммуниканта:

(2) *'Now, isn't that strange, Archie?' said Clara, filling in all her consonants. She was already some way to losing her accent and she liked to work on it at every opportunity...It's just we were just talking about you — you're coming to dinner tonight, yes?'*

'Yes, Samad mentioned it,' said Alsana, though Samad had not...

'You're pregnant?' said Clara surprised. 'Pickney, you so small me kyant even see it.'

Clara blushed the moment after she had spoken; she always dropped into the vernacular when she was excited or pleased about something. Alsana just smiled pleasantly, unsure what she had said.

'I wouldn't have known,' said Clara more subdued [Smith, 2001, p. 65].

— *Нужно же, какое совпадение, Арчи? — проговорила Клара, произнося все звуки правильно. Она уже говорила почти без акцента и любила при случае практиковаться. Мы только что о вас говорили. Вы ведь сегодня ужинаете у нас, верно?*

— *Да, Самад мне говорил, — ответила Алсана, хотя Самад ничего такого ей не говорил.*

— *Ты беременна? — удивилась Клара. — Пусенька, такой маленький, совсем не видно. Сказав это, Клара тут же покраснела; когда она была чем-то взволнована или обрадована, то опять начинала говорить с акцентом. Алсана только мило улыбалась, не совсем поняв, что та сказала.*

— *Кто бы мог подумать, — добавила Клара, несколько успокоившись [Смит, 2018, с. 94].*

Размеренный темп взятия репликовых шагов нарушается эмоциональным переходом Клары на язык патуа, вызванным радостным удивлением в связи с беременностью знакомой (*Pickney, you so small me kyant even see it*). Здесь мы видим еще более приближенный вариант патуа к стандартному английскому в лексикографическом плане (*pikney* вместо *pikni*) и в грамматическом плане (отсутствие двойного отрицания), тем не менее сохраняется избыточная дифтонгизация. Эти черты говорят о желании героини изменить свой социальный статус, что видно по ее реакции на некодифицированную форму, произнесенную нечаянно. До этой реплики можно судить о размеренном разговоре со своевременной меной коммуникативных ролей. Метакоммуникативные сигналы (полные глагольные формы в вопросах) свидетельствуют о спокойном темпе разговора в соответствии с общепринятыми традициями ведения светской беседы. Разговорная реплика Клары, выходящая за рамки стандартной языковой формы, свидетельствует об эмоциональной составляющей ее родного наречия, к которому она обращается в моменты радостного удивления. Это наблюдение подтверждается ведущими учеными в области многоязычия и эмоций, которые отмечают, что использование родного языка в момент эмоционального всплеска, положительного или отрицательного, происходит неосознанно и автоматически [Kellman, 2000; Kinginger, 2004; Pavlenko, 2014]. Тем не менее для Клары описываемый спонтанный переход является предметом стеснения, чем и объясняется ее смущение и возвращение к «статусной» языковой модели (*I wouldn't have known*), выражающейся полной грамматической формой нереального условия в прошлом.

3.2. Субкодовые и кодовые переключения

В отличие от (суб)кодового смещения (суб)кодовое переключение является ситуативным и мотивированным [Blom, 2000]. В качестве индикаторов субкодового переключения могут выступать как интерсентенциональные вставки, представленные в примерах выше, так и интрасентенциональные включения. Это могут быть отдельные слова или выражения. Чтобы определить функциональную составляющую переключения, необходимо учитывать общий контекст в связи с оппозицией «свой — чужой». Посмотрим на примеры осознанного субкодового переключения с целью оценить его влияние на ход коммуникации.

Одним из таких слов выступает уничижительное жаргонное слово *coconut* (кокосовый орех), которое употребляется в качестве оскорбительной характеристики человека, имеющего смуглый цвет кожи или другие расовые признаки, составляющие его отличие от большинства в обществе, но ни в чем другом не отличающегося от представителей доминирующей группы людей, в Северной Америке ранее именуемой как WASPs (белые англосаксонские протестанты). В Англии это разговорное слово обозначает то же самое и подвергается табуированию. В произведении «Северо-Запад» героиня Кейша, впоследствии изменившая свое имя на более благозвучное *Natali*, которое гармоничнее сочетается с ее приобретенным высоким социальным статусом, вызывает у некоторых ассоциации с табуированным *coconut* как человек, желающий забыть о своих корнях и происхождении. Натали, дочь ямайских эмигрантов, родилась и выросла в неблагополучном районе Лондона Колдвелле, который не существует в реальности, но является двойником настоящего района Килбурн. Ее подруга Ли в разговоре с якобы их с Натали общей знакомой пытается напомнить ей о своей подруге, описывая ее внешность, и вслед за этим в речи собеседницы фиксируется резкая мена коммуникативных ролей:

(1) *'In school was Keisha...Natalie De Angelis now...Used to have a big Afro puff like' — Leah mimes an atomic mushroom behind her own head. Shar frowns. Shar responds by scoffing: — 'Yeah. Up herself. Coconut. Thought she was all that.'* [Smith, 2013, p. 10].

— Вообще-то, в школе она была Кейша. А теперь Натали Де Анджелис. Моих лет. У нее была здоровенная прическа афро... Ли изображает атомный гриб у себя за головой. Шар хмурится.

— Да. Самодовольная. Кокосовый орех. Много о себе думала [Smith, 2013, Перевод мой].

Намеренное субкодовое включение с помощью лексемы *coconut* сигнализирует о выражении оценки, принятой внутри группы, и не требует дешифровки, однако если в беседе есть участник из другой группы, то ис-

ход коммуникации может принимать разные формы вплоть до конфронтации. Реплика, содержащая подобный оценочный код, после некоторой паузы между коммуникантами либо вызывает последующую мену коммуникативных ролей с ускорением темпа разговора, либо является завершающей и не располагает к дальнейшей беседе, как показано в примере выше.

Похожий эффект производит слово *Paki*, произнесенное девочкой младшего подросткового возраста с темным цветом кожи в компании детей и присутствии взрослого человека со светлым оттенком кожи. Являясь уничижительным и табуированным, это слово приводит к завершению диалога, шокируя взрослого участника коммуникации.

(2) *'Whassisname — Mowgli? He looks like Kurshed, don't he? In our class. Don't he?'*

'Yeah, he does,' I called back. 'He looks just like this boy Kurshed in our class.'

'Perhaps his parents are from India.'

'Nah,' said Tracey casually, looking away, out of the window. 'Kurshed's a Paki.' We drove back to the house in silence [Smith, 2017, p. 78].

// — Как его там — Маугли? Он на Куршеда похож, а? У нас в классе. Правда?

— Ага, похож, — отозвалась я. — Вылитый Куршед у нас в классе.

Мать Лили проявила преувеличенный интерес — повернула голову совсем назад, когда мы приостановились у светофора.

— Вероятно, его родители из Индии.

— Не-а, — небрежно ответила Трейси, отвернувшись и глядя в окно. — Куршед — паки.

До самого дома мы ехали в молчании [Смит, 2019, с. 101].

Подруга главной героини Трейси намеренно употребляет разговорные и грамматически ненормативные формы (*Whassisname; Don't he*), выделяя некоторое пренебрежение или надменность перед мамой своей одноклассницы, которая до последнего пытается нормализовать диалог, предлагая приемлемый вариант: родители одноклассника девочек родом из Индии, чем и объясняется внешнее сходство с героем Р. Киплинга. Внешний протест Трейси и желание шокировать женщину не ее привычного окружения толкает героиню на намеренное пересечение социальных границ и игнорирование приличий: она использует лексику (*Paki*) с пейоративным оттенком намеренно, очерчивая границу между «своими» и «чужими», давая понять, что ее оттенок кожи дает ей право пренебречь социальными условностями.

Примеры (1) и (2) демонстрируют случаи субкодового переключения в смешанной группе, где присутствуют «свои» и «не свои», именно по-

этому субкодовое слово не способствует мене коммуникативных ролей, а полностью прекращает диалог. В первом примере разговор происходит между двумя одноклассниками, которые, однако, являются представителями разных социальных слоев, а во втором — между людьми не только разных возрастных категорий, но и разной классовой принадлежности.

Явление социолингвистической вариативности в отношении использования инвективной лексики можно наблюдать в примере со словом *half-caste* (человек смешанной расы), которое изначально не было оскорбительным, однако в процессе формирования социокультурных норм приобрело статус оскорбления. Тем не менее пейоративный оттенок зависит от того, употребляется ли это слово «среди своих» или «среди чужих». В произведении «Время свинга» мама главной героини, имеющая ямайские корни, очень остро реагирует на индикаторы неравенства в обществе, о чем и сообщается нам в начале романа: ... *'half-caste', a word I trembled to write down, as I knew from experience how completely it enraged my mother* [Smith, 2017, p. 32] // ...она была «полукровкой» — это слово я записывала с дрожью, поскольку из своего опыта знала, до чего оно злит мою мать [Смит, 2019, с. 43].

Как и слово *Paki*, лексема *half-caste* является частью субкода и в следующем примере не табуируется, так как употребляется «среди своих»:

(3) *'Jackie.'*

'Irie.'

'Pale, sir! Freckles an'everything. You Mexican?

'No.'

'Arab?'

'Half Jamaican. Half English.'

'Half-caste,' Jackie explained patiently. 'Your mum white?'

'Dad.'

Jackie wrinkled her nose. 'Usually de udder way roun.' [Smith, 2001, p. 273].

— Джеки.

— Айри.

— Ишь ты, светленькая. Даже с веснушками. Ты из Мексики?

— Нет.

— Арабка?

— Мать с Ямайки, а отец англичанин.

— Полукровка, — пояснила Джеки. — Мать, говоришь, белая?

— Нет, отец.

Джеки поморщилась.

— Обычно наоборот [Смит, 2018, с. 361].

Как видно из примера, субкодовое включение с табуированной лексикой не препятствует мене коммуникативных ролей, так как не воспринимается реципиентами как нарушение общего кода и социальных приличий в силу того, что участники коммуникации принадлежат к одной группе.

Кодовые и субкодовые переключения со стороны участника коммуникативного акта могут сигнализировать о желании выразить свою идентичность или о манифестации своей «инаковости». Так, в реплике героя романа «Белые зубы», выходца из Бангладеш, присутствуют интерсентенциональные кодовые включения, которые нацелены на эмоциональный отклик собеседника:

(4) *‘Amar durbol lagche.’*

‘What does it mean?’

‘It means,’ said Samad aloud, without missing a beat, ‘closed-mouth worship of the Creator.’

‘Amar durbol lagche. Wow,’ said Poppy Burt-Jones [Smith, 2001, p. 159].

— Амар дурбол лагче.

— Что это означает?

— Это означает, — вслух сказал Самад, считая удары своего сердца, — безмолвное благоговение перед Аллахом.

— Амар дурбол лагче. Впечатляет, — сказала Понни [Смит, 2018, с. 215].

Фраза с сакральным оттенком *“closed-mouth worship of the Creator”* произносится сначала на родном языке героя в связи с важностью затрагиваемой темы, которая имеет особое значение и эмоциональную привязку. Об эмоциональной связи с родным языком по сравнению с приобретенным писали многие ученые. А. Павленко, специализирующаяся на изучении отношений между двуязычием, познанием и эмоциями, говорит о психологической основе первого языка и его роли проводника основных положительных эмоций в сферах, ассоциированных с ними [Pavlenko, 2014]. Кодовое переключение на бенгальском языке не является центральной темой нашего исследования, однако сказанное то же самое на английском является субкодовым переключением, так как отличается от общего стиля коммуникантов и является частью религиозного дискурса. Тем не менее фразы, произнесенные с особой тональностью и отличающиеся стилистически, вызывают отклик у реципиента и способствуют диалогическому взаимодействию.

Рассмотрим другой пример желания выразить свою идентичность, связанный с употреблением обсценной лексики. Группа подростков во главе с одним из главных героев по имени Миллат демонстративно бросают вызов обществу, создавая конфликтные ситуации в общественных местах.

Возмущаясь ценами на билет, Миллат и его компания используют сочетание ямайского патуа, бенгальского, гуджаратского и английского языков:

(5) *'Please **what**, yeah? One for Bradford, yeah? You get me? One for Bradford. **Chief**.'*

'And would that be a return? For a child?'

*'Yeah, man. I'm fifteen, yeah?' Course I want a return, I've got a **barii** to get back to like everybody else.'*

'That'll be seventy-five pounds, then, please.'

*'You what? Takin' liberties! Seventy — **chaaa**, man. That's moody. I ain't payin' no seventy-five pounds!' ...*

'Somocami! '... [Smith, 2001, p. 230]

— Чего непонятного? Один до Брэдфорда, ага? Уловил? До Брэдфорда. **Голова**, однако.

— Туда и обратно? Детский?

— Ага, чувак. Мне пятнадцать, ага? Как и все, я имею **право** вернуться обратно.

— Тогда с вас семьдесят пять фунтов.

— Чего? Хамство! Семьдесят — **ни фига себе. Кисло**. Я не собираюсь отваливать семьдесят пять фунтов!

— **Сомоками!** [Смит, 2018, с. 308].

Среди слов, относящихся к субкодовому переключению, можно назвать жаргонизм *chief*, характерный для северной части Лондона и означающий в данном контексте 'дурак', а также прилагательное *moody* со значением 'отвратительный и наглый'. Стоит также упомянуть междометное высказывание *Cha*, выражающее крайнюю степень неодобрения. Субкодовые и кодовые переключения в группе «своих» происходят с быстрой меной коммуникативных ролей с частым дублированием вопросов или восклицаний, а также simultанным говорением. Участник, являющийся «чужаком», наоборот, дистанцируется, сводя свою реплику к строгому набору необходимых фраз. В данном отрывке присутствуют два примера кодового переключения: *bari* и *somokami*. Первое слово в переводе с бенгальского означает 'дом, жилище'. Второе слово *somokami* является крайне бранным наименованием человека нетрадиционной ориентации. Использование бранных слов табуируется в обществе в целом, однако в некоторых случаях считается позволительным, например, как катартическое средство, ругательства помогают уменьшить чувство гнева или даже физическую боль [Pinker, 2008, p. 365]. В молодежной среде бранные слова употребляются в силу своей эмотивности, экспрессивности и лапидарности, что значительно ускоряет мену коммуникативных ролей в диалогическом взаимодействии, повышая значимость каждого из коммуникантов. В примере

выше ругательное слово обладает перечисленными чертами, однако наряду с этим данное слово является речевым маркером оценочной категории «чужих» и маркером принадлежности к группе «своих». Многофункциональность употребления инвективной лексики с кодовым переключением заключается в желании выразить свою национальную идентичность, сигнализировать о своей принадлежности к группе, эмоционально парировать оппоненту, а также ускорить темп диалога. Автор останавливается на темпе мены коммуникативных ролей как основном индикаторе в диалогическом взаимодействии.

4. Заключение = Conclusions

Из анализа приведенных примеров (суб)кодового переключения и смешения в речи героев литературных произведений видно, что такие явления имеют глубокие социокультурные и эмоциональные корни. Переключение между различными языковыми (суб)кодами может служить средством выражения идентичности, манифестации своей «инаковости» или принадлежности к определенной социокультурной группе.

Субкодовое смешение, характеризующееся спонтанным переходом на родное наречие в результате эмоционального всплеска, помогает коммуникантам выразить свои эмоции, ослабив некоторое напряжение в определенном социокультурном контексте. Подобные непреднамеренные высказывания продиктованы глубинными психологическими процессами и часто выполняют паллиативную функцию.

Бранные слова и инвективная лексика, рассмотренные в рамках (суб)кодового переключения, хотя и табуируются в обществе, в определенных ситуациях могут быть использованы не только как средство эмоционального выражения, но и как способ выделения своей принадлежности к определенной социокультурной группе.

Таким образом, субкодовое переключение и кодовое переключение являются важными явлениями в современном языковом анализе, отражающими сложную социокультурную динамику и эмоциональные аспекты коммуникации. Осознание этих явлений позволит лучше понять языковые практики и взаимодействие в многоязычных и многокультурных обществах.

Из анализа приведенных примеров субкодового и кодового переключения в речи героев литературных произведений становится ясно, что такие явления играют важную роль в мене коммуникативных ролей и установлении контакта между участниками коммуникации. Темп мены коммуникативных ролей является индикатором качества взаимодействия коммуникантов. Например, субкодовое смешение может привести к быстрой мене коммуникативных ролей, вызывая интерес и ответную реакцию, в то время

как темп смены коммуникативных ролей в кодовом переключении зависит от (не)принадлежности к определенной социальной группе. Участник, не принадлежащий к определенному социальному кругу, может вынужденно отказаться от коммуникативного взаимодействия или принять такое решение из-за нарушения коммуникативного кодекса поведения. Если же коммуниканты находятся в поле «своих», то субкодовые переключения являются маркерами принадлежности и никак не препятствуют смене коммуникативных ролей, указывая на психологический комфорт и непринужденность беседы.

Рассмотрение смены коммуникативных ролей в рамках (суб)кодового переключения и смещения позволяет проанализировать диалогическое взаимодействие в условиях сложного и гетерогенного в мультикультурном плане контекста, раскрывая нюансы не только межличностного общения, но и «лингвистических уловок», декодирование которых может обогатить понимание некоторых культурных процессов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Смит З.* Белые зубы / З. Смит. — Москва : Эксмо, 2018. — 576 с. — ISBN 978-5-04-094875-8.
2. *Смит З.* Время свинга / З. Смит. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-04-090843-1.
3. *Smith Z.* NW / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2013. — 342 p. — ISBN 978-0-241-96526-9.
4. *Smith Z.* Swing Time / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2017. — 454 p. — ISBN 9780141036601.
5. *Smith Z.* White Teeth / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2001. — 548 p. — ISBN 9780140276336.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Гаврилова В. Г.* Этноидентифицирующая функция переключения и смещения кодов / В. Г. Гаврилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6. — С. 53—56.
3. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.
4. *Казакевич О. А.* Смешение и переключение кодов в речи северных селькупов / О. А. Казакевич // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 14—21.
5. *Моль А.* Социодинамика культуры / А. Моль. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 404 с. — ISBN 5-484-00001-7.

6. Мутылина А. Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) / А. Ю. Мутылина // Вестник ИГЛУ. — 2011. — Выпуск 1. — С. 52—60.

7. Чиршева Г. Н. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 48. — С. 84—97. — DOI: 10.17223/19986645/48/6.

8. Annamalai E. The language factor in code mixing / E. Annamalai // International Journal of the Sociology of Language. — 1989. — Vol. 74. — Pp. 47—54.

9. Bhatia T. K. Social and Psychological Factors in Language Mixing, Handbook of Bilingualism / T. K. Bhatia, W. C. Ritchie. — New Jersey : Blackwell Publishing, 2004. — Pp. 336—352.

10. Blom Jan-Petter. Social meaning in linguistic structures : Code switching in northern Norway. The Bilingualism Reader / Jan-Petter Blom, J. Gumperz. — London : Routledge, 2000. — Pp. 111—137. — ISBN 9781003060406.

11. Gumperz J. Discourse Strategies / J. Gumperz. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 225 p.

12. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. — New York : Gruyter, 1982. — 336 p.

13. Kellman S. The Translingual Imagination / S. Kellman. — London : University of Nebraska Press, 2000. — 134 p.

14. Kinginger C. Bilingualism and emotion in the autobiographical works of Nancy Huston / C. Kinginger // Journal of Multilingual and Multicultural Development. — 2004. — V. 25(2/3). — Pp. 159—178.

15. Milroy L. One Speaker, Two Languages / L. Milroy, P. Muysken. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 365 p.

16. Muysken P. Bilingual Speech, a Typology of Code-Mixing. Cambridge / P. Muysken. — UK : Cambridge University Press, 2000. — 306 p.

17. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching / C. Myers-Scotton. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 285 p.

18. Pavlenko A. The Bilingual Mind / A. Pavlenko. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 154 p.

19. Pinker S. The Stuff of Thought / S. Pinker. — London : PINGUIN BOOKS, 2008. — 500 p.

20. Schegloff E. A. On some questions and ambiguities in conversation / E. A. Schegloff. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — Pp. 28—52.

21. Singh R. Grammatical constraints on code-switching : Evidence from Hindi-English / R. Singh // Canadian Journal of Linguistics. — 1985. — Volume 30. — Issue 1. — Pp. 33—45.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Smith, Z. (2013). *NW*. London: PINGUIN BOOKS. 342 p. ISBN 978-0-241-96526-9.

Smith, Z. (2017). *Swing Time*. London: PINGUIN BOOKS. 454 p. ISBN 9780141036601.

Smith, Z. (2019). *Swing time*. Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-04-090843-1. (In Russ.).

Smith, Z. (2001). *White Teeth*. London: PINGUIN BOOKS. 548 p. ISBN 9780140276336.

Smith, Z. (2018). *White teeth*. Moscow: Eksmo. 576 p. ISBN 978-5-04-094875-8. (In Russ.).

References

- Annamalai, E. (1989). The language factor in code mixing. *International Journal of the Sociology of Language*, 74: 47—54.
- Barth, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.).
- Bhatia, T. K., Ritchie, W. C. (2004). *Social and Psychological Factors in Language Mixing, Handbook of Bilingualism*. New Jersey: Blackwell Publishing. 336—352.
- Blom Jan-Petter., Gumperz, J. (2000). *Social meaning in linguistic structures: Code switching in northern Norway. The Bilingualism Reader*. London: Routledge. 111—137. ISBN 9781003060406.
- Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2017). Mixed statements of bilingual children in a Russian-speaking family. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 48: 84—97. DOI: 10.17223/19986645/48/6. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2013). Ethnoidentifying function of switching and mixing codes. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6: 53—56. (In Russ.).
- Grice, G. P. (1985). Logic and speech communication. *New in foreign linguistics*, 16: 217—237. (In Russ.).
- Gumperz, J. (1982). *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.
- Henne, H., Rehbock, H. (1982). *Einführung in die Gesprächsanalyse*. New York: Gruyter. 336 p.
- Kazakevich, O. A. (2000). Mixing and switching codes in the speech of the northern Selkups. In: *Speech communication in conditions of linguistic heterogeneity*. Moscow: Editorial URSS. 14—21. (In Russ.).
- Kellman, S. (2000). *The Translingual Imagination*. London: University of Nebraska Press. 134 p.
- Kinging, C. (2004). Bilingualism and emotion in the autobiographical works of Nancy Huston. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 25(2/3): 159—178.
- Milroy, L. (1995). *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 365 p.
- Mol, A. (2007). *Sociodynamics of culture*. Moscow: LKI Publishing House. 404 p. ISBN 5-484-00001-7. (In Russ.).
- Mutylyna, A. Yu. (2011). On the differentiation of the concepts of “switching” and “mixing codes” (on the example of oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing). *Bulletin of the IGLOO*, 1: 52—60. (In Russ.).
- Muysken, P. (2000). *Bilingual Speech, a Typology of Code-Mixing*. Cambridge. UK: Cambridge University Press. 306 p.
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press. 285 p.
- Pavlenko, A. (2014). *The Bilingual Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. 154 p.
- Pinker, S. (2008). *The Stuff of Thought*. London: PINGUIN BOOKS. 500 p.
- Schegloff, E. A. (1984). *On some questions and ambiguities in conversation*. Cambridge: Cambridge University Press. 28—52.
- Singh, R. (1985). Grammatical constraints on code-switching: Evidence from Hindi-English. *Canadian Journal of Linguistics*, 30 (1): 33—45.

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*